17 АКТ 1984

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Почта писателя — это та лакмусовая бумага, что проверяет интерес к автору, его работе, его личности. Читательские письма необходимы человеку творческому — не только как свидетельство его популярности, но и как побудительный импульс, толчок к новым идеям, темам, размышлениям.

— Анатолий Андреевич, что вы цените больше всего в читательских письмах?

— Ценю искренность. Писатель живет и работает не в вакууме. Тысячи незримых нитей он связан с теми, для кого, собственно, и пишет, — со своими современниками. Разумеется, каждый из нас пишет так, как подсказывают ему художественное чутье, совесть, гражданская позиция, житейский опыт, то есть каждый пишет так, как ему дано писать. И тем не менее, редактор невольно прислушивается к голосу читателя, порой споря с ним, не соглашаясь,

что половина искалечена. Отец — инвалид гражданской, дед — участник Крымской кампании, за нее имел три Георгия, и прежде на долю каждого поколения выпадала война. И я сам от 18 до 20 лет прошел с боями Европу, был на Дальнем Востоке. Из Намангана, из Ферганской долины — в Москву, Белоруссия, Венгрия, Румыния, Австрия, Чехословакия. Потом Болгария, вновь госпиталь — и домой... В будущем году отметим 40-летие Великой Победы, а боль-то не утихает... Сколько бы ни прошло — не утихнет, и до сих пор почти в каждом доме на стене, в альбоме или просто в связке писем хранятся фотографии тех, не пришедших с войны. Это и моя память, и память историческая — она получила в романе «Годы без войны» воплощение в образе одного из главных героев, художника Мити Гаврилова, прадед которого погиб в японскую войну, дед — в первую мировую, а отец — в Великую Отечественную. Митя молод, но

Анатолий АНАНЬЕВ:

ТЫСЯЧА НЕЗРИМЫХ НИТЕЙ

порой даже обижаясь, порой восхищаясь точностью суждений, умением постичь авторский замысел. Вы знаете, иногда получаешь письма с таким подробным, глубоким, в высшей степени профессиональным анализом книги, который вполне мог бы посоперничать с художественной критикой. Уже стало общим местом возторгаться возросшим уровнем читательского мышления. И все-таки я каждый раз радуюсь, когда в письме разговор о какой-либо конкретной моей вещи выходит за рамки одного произведения и затрагивает острые проблемы политики, социологии, культуры, экономики, философии, литературы, искусства.

— Знакомая с вашей почтой, я обратила внимание на письмо И. Мужеева из Ленинграда. «Я давний и постоянный ваш читатель. Вначале вы числились критиком в «сельских» писателях, затем в «военных». Действительно, «Танки идут ромбом», «Версты любви» и другие ваши произведения вполне давали основание так о вас говорить. Но вот прочитал в журнале «Новый мир» завершающие главы романа «Годы без войны». Уже самим названием вы как будто хотели отодвинуть в прошлое Великую Отечественную. А читаешь его — и все вспоминается то время... По сути, речь в этом письме об исторической памяти. Это понятие ныне — предмет большого разговора и в прессе, и в различного рода диспутах. А что для вас историческая память?

— Для меня этот термин отнюдь не абстрактный. В моем роду по отцовской линии все мужчины участвовали в войнах, половина погибла, по-

его душа хранит боль всех потерь, все зло и муки, принесенные войной. Он мечтает написать такую картину, увидев которую и ужаснувшись, люди раз и навсегда прокляли бы войну. Его протест — это протест и каждого из нас, воевавших, оставшихся в живых и погибших. Он обязан помнить, потому что столько жизней отдано ради жизни его самого и его детей. Мы все обязаны это помнить. Особенно сейчас, когда, как сказал товарищ К. У. Черненко на недавнем писательском форуме, «суровая правда нынешней международной ситуации такова, что ядерная угроза, к сожалению, велика. От нее не спрячешься, не отшутиться».

— Все, что сопряжено с историей, ассоциируется в нашем представлении с какими-то глубинными изменениями, с неким гигантским накалом страстей — в общем, с активным действием. В этом смысле история — благодатный материал для писателя. Но ведь в ваших книгах история тесно переплетается с современностью. «Автор испытывает своих героев буднями «равнинного течения жизни», благополучием и высотой служебного положения, и не все поначалу казавшиеся положительными герои с честью выдерживают это испытание», — пишет Р. Чубова из дагестанского города Кизилюрт.

— «Равнинное течение жизни», мирные будни, повседневность на самом деле сотканы из множества событий, больших и малых, радостных и трагических, событий, свершающихся не просто у нас на глазах, а втягивающих в свой водоворот и пассивных созерцателей, и личности социально активные. Кажется, год от года одинаково восходит солнце, как и прежде, влюбляются, женятся, рожают детей; те же утра, весны и осени; те же театры, музыка и слезы... поле, огород, крестьянская работа, служба разная, разговоры, толки, споры, жизнь и смерть. Но как же многолик и изменчив этот «постоянный» мир!

Автор не свободен в своих привязанностях, он не может оставаться холодным регистратором происходящего. А если так случается, тогда книга, написанная бестрепетной рукой, мертва — мертва, будь она хоть миллион раз обдумана до мельчайших деталей и выполнена пером высокопрофессиональным.

Конечно, судить о жизни сиюминутной можно правильно лишь какое-то время спустя. Наверно, не все проблемы я охватил в романе, но в тот момент, когда пишешь, хочешь как можно больше взять из окружающей действительности. То, о чем думает человек, рождено преимущественно окружающей его реальностью, поэтому для меня так важно было передать точные приметы времени, детали, подробности — без этого герои мои тоже, наверно, были бы для меня менее живыми.

В тот самый день в Кремле было торжественное заседание; в тот самый день в Москву приехал президент Франции Шарль де Голль; в тот са-

Интервью с письмом в руках

мый день в Большом театре пел в «Евгении Онегине» В. Атлантов. Для чего мне это понадобилось, когда писал «Годы без войны»? Для того лишь, чтобы попытаться передать читателю не просто стремительный поток жизни, но вычленив из него главное, чем именно тогда жила страна, что волновало общество в различных его слоях, о чем думали и тревожились люди, многие из которых сами лепили свою судьбу, многие из которых оказались бессильны перед своей судьбой.

— Анатолий Андреевич, судя по вашей почте, читательский интерес к творческой лаборатории писателя остается неизменным. Вот как размышляет Т. Зинченко из Хабаровска: «Традиционный завет писателей старшего поколения молодым — учиться у жизни. Считается, что чем больше начинающий автор испробует разных профессий, чем больше дорог он исходит, тем достовернее будет его произведение. Этому совету активно следуют многие молодые писатели, о чем свидетельствуют новые яркие имена в нашей литературе. Но вот парадокс: изобилие жиз-

что касается тюменских страшиц, то они появились именно благодаря общению с людьми, открывшими сибирскую нефть.

И все же мало опыта войны и мирного времени, мало раздумий и сомнений — нужна идея. На июньском (1983 г.) пленуме ЦК КПСС шла речь о том, что от художников слова читатель ждет создания крупных характеров настоящих создателей, людей активной жизненной позиции.

Я глубоко убежден, что литература, кроме функции воспитательной, нравственной, просветительской, выполняет еще одну важную миссию — зовет к цели. Горький сказал о себе: «Всем хорошим во мне я обязан книгам». Великий писатель, прошедший труднейшую жизненную школу, все-таки отдал предпочтение книгам. Не должно ли это заставить задуматься и современных писателей, волю или неволью, но выполняющих роль наставников молодежи?

Во сколько произведениях мелькают молодые люди, с необыкновенной легкостью меняющие свои сердечные привязанности? Как просто — любил, разлюбил, ушел к другой, первую оставив с ребенком, вторая накутила — дальше пошел. Прочитаешь такую книгу — вроде бы и вреда особого нет, да и пользы тоже нет, если автор остается беспристрастным летописцем. Но коли из книги в книгу кочуют такие образы, начинает создаваться общественное мнение. Превозносясь будто бы любовью, стоящую над семьей, над основой основ человеческой жизни, мы не задумываемся над тем, какой вред молодой душе причинит такое чтение, а потом спохватываемся — как они легко обо всем судят, как непрочно нынче семья!

— Какие разные жизни, разные судьбы встают за письмами! Невозможно без волнения читать такие строки Ольги Ильиничны Р. из Киева: «Малей осталась без отца и матери. Воспитывалась в детском доме. Фамилию, имя и год рождения дали там же, отчество я выбрала сама себе, уже взрослой, и место рождения (для паспорта).

Сейчас у меня есть все для полного человеческого счастья, только бы без войны...»

— Пожалуй, это одна из самых счастливых минут в жизни, когда получаешь вот такие письма-исповеди. Значит, в тебя верят, значит, ты сумел затронуть какие-то важные струны в человеческой душе.

«Только бы без войны!» — это вообще главная мысль нашего времени. Угроза ядерной безумия, возможность уничтожения жизни на планете стала вполне реальной в наши дни. Борьба против этого страшнейшего зла считает своим долгом каждый трезвомыслящий человек, в том числе и я.

Участие в работе Советского комитета защиты мира позволяет мне говорить с людьми, занимающими самые разные позиции в споре о современных международных делах, о расстановке сил на мировой арене. Однажды в разговоре с американцами я спросил: как бы они чувствовали себя, если бы наши ракеты стояли на границе США с Мексикой? Мне даже не дали договорить, замахали руками — этого, мол, быть не может! Им и вообразить это было страшно.

Хочу написать новый роман, хронологически совпадающий с событиями после 1979 года, года переломного, по моему мнению, года, когда были подписаны соглашения об ОСВ-2, а затем началась оголтелая кампания против нашей страны и был объявлен «крестовый поход» против коммунизма.

И все же трудно отрываться от произведения, которое уже закончено и даже уже опубликовано. Десять лет я отдал работе над романом «Годы без войны», десять лет я писал о том, что меня тревожило, чем хотелось поделиться с будущим читателем. Меня привлекала задача — дать «срез» нашего общества в самых разных его пластах, откровенно сказать о многих явлениях, которые я тогда начал замечать. В том числе и о том типе псевдоинтеллигенции, которая с презрением смотрит на трудовой народ. Подумайте, сами-то только что бегали по деревенской улице, а теперь, как говорится, рукой не достанешь! А мы все вместе — разве мы не народ? Откуда это псевдоаристократическое пренебрежение к труженнику, такому, как мой Павел Лукьянов, творец настоящей жизни? Как возникла почва для подобных тенденций? Об этом мне тоже хотелось поразмышлять. Уже завершив роман, до сих пор живу его проблемами, заботами своих героев. А жизнь все подбрасывает новые встречи, впечатления и долгожданную награду — письма моих читателей.

Интервью вела Т. АРХАНГЕЛЬСКАЯ